

Малая Азия представляла собой наиболее важную часть Византийской империи. И именно она была ареной, где развернулись многогранные отношения этого государства с тюрками в XI—XV вв.: в первой половине XI в. — с отрядами огузов и сельджуков, со второй половины XI и по XIV в. — с державой так называемых великих Сельджукидов, Румским султанатом, эмиратами и бейликами, а на заключительном этапе, в первой половине XV в., — с Османским государством. В итоге произошла замена почти всего византийского и христианского тюркским и мусульманским, что изменило положение и ориентацию Малой Азии в системе средневековых государств.

Среди итоговых публикаций по истории средневековой Малой Азии наиболее значительными являются исследования В. А. Гордлевского¹, К. Казна² и С. Вриониса. Работы первых двух авторов сходны — они посвящены главным образом истории возникновения, существования и гибели Румского султаната (вторая половина XI — первая половина XIV в.). Рецензируемая же книга представляет собой исследование, в котором рассмотрены причины, способствовавшие в течение второй половины XI — первой половины XV в. трансформации христианского населения Малой Азии в мусульманское и тюркоязычное. Этот процесс рассмотрен с двух точек зрения одновременно — византийской и тюркской: *чего лишилась Византия и что приобрели турки*. Автор не противопоставляет эти точки зрения — они дополняют друг друга, позволяя при подходе с разных позиций более выпукло показать происходивший процесс трансформации. В этом одна из особенностей, а также ценность и новизна исследования. Вот почему не случайно, что за исключением вводной части работы связаны попарно: вторая и третья — это военно-политический и этнический аспекты исследования, четвертая и пятая — конфессиональный, шестая и седьмая — экономический, административный и ряд других аспектов. Таким образом, сама структура сопряженных частей подтверждает стремление С. Вриониса раскрыть обе стороны взаимоотношений Византийской империи и государств Сельджукидов и Османского в Малой Азии в течение второй половины XI — первой половины XV в., показать эти взаимоотношения как с византийской, так и с тюркской позиций.

Центральными разделами исследования являются вторая и третья части. Первая — «Византийская Малая Азия накануне тюркского завоевания» (стр. 1—68) — носит вводный характер и содержит обзор экономического, военного, политического, социального, этнического и конфессионального состояния региона перед началом экспансии Сельджукидов в XI в.

Вторая часть — «Политическое и военное крушение Византии в Малой Азии» (стр. 69—142) — это попытка разобраться в ситуации, которая в течение XI—XII вв. дважды привела империю к катастрофе, сперва при Манцикерте (1071 г.), а сто лет спустя — при Мириокефале (1176 г.). Но неужели Манцикерт был *внезапной*, как считает С. Врионис (стр. 69), катастрофой? Разве Византия не была «подготовлена» к ней своим военно-политическим и социально-экономическим развитием в 1025—1071 гг.? Кстати, в самой работе (стр. 70, 80, 85) названы основные внутренние и внешние причины, приведшие империю к поражению при Манцикерте.

С. Врионис полагает, что 1040 г. является датой, обозначающей важный этап в истории не только Ближнего Востока, но и Византии (стр. 83). Действительно, 25 мая 1040 г. близ местечка Данданакан, около Мерва, произошло решающее сражение между Сельджукидами и Газневидами. Победа Сельджукидов позволила им начать планомерное завоевательное и миграционное движение, и уже к середине XI в. тюркские племена продвинулись из Средней Азии к восточной границе империи. Поражение же Византии при Манцикерте облегчило Сельджукидам завоевание Малой Азии, способствовало созданию Румского султаната и расселению тюркских племен. Тем не менее империя была еще достаточно сильна, чтобы противостоять тюркскому натиску при Алексее I и Иоанне II. Но уже к середине XII в. начинается отступление, которое привело к сражению при Мириокефале, где Византия вновь была разбита; автор считает это поражение апогеем византийского отступления перед Сельджукидами (стр. 124 и сл.). В самом деле, после 1176 г. для империи Малая Азия была навсегда потеряна. Отметим также, что сражение 1176 г. произошло намного западнее Манцикерта, и это может свидетельствовать о дальнейшем продвижении Сельджукидов и захвате новых территорий в период между 1071 и 1176 гг. Вместе с тем Мириокефал продемонстрировал прогрессирующее ослабление империи: если Манцикерт потребовал напряжения сил всей державы Сельджукидов, то в 1176 г. византийскому войску противостоял только Румский султанат.

В третьей части — «Начало перемен» (стр. 143—286), являющейся тематически продолжением предыдущей, прослежены изменения, происходившие в Малой Азии в связи с постепенными отступлением империи и усилением натиска Сельджукидов. Об-

¹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941; 2-е издание: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960.

² С. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. A general survey of material and spiritual culture and history, circa 1071—1330. London, 1968.

ращено внимание на поэтапное продвижение завоевателей, что можно объяснить еще достаточным военным потенциалом Византии, ее богатым политическим и дипломатическим опытом. Вместе с тем сами государства Сельджукидов были довольно неустойчивы (экономически и политически) для того, чтобы вести перманентное наступление. Необходимы были паузы для накопления сил и создания военно-стратегических баз. Поэтому можно говорить о периодических подъемах и спадах военной активности Сельджукидов в XI—XII вв. Первый важный этап (подъем) — победа при Данданакане, которая открыла путь из Средней Азии на запад. Затем наступает относительное затишье, когда происходили локальные операции. Во время одной из них был захвачен город Ани (1064 г.), превращенный в основную базу для подготовки решительных действий против империи. В результате сражения при Манцикерте Сельджукиды закрепили за собой Закавказье и часть Малой Азии. Потом — вновь временный спад экспансии, вызванный необходимостью «подтянуть тылы», укрепить только что возникший Румский султанат и защищаться от участников I и II крестовых походов. Как только эти трудности остались позади, произошло новое сражение при Мириокефале, и положение Сельджукидов в Малой Азии сделалось весьма устойчивым. Данданакан должен был послужить предупреждением империи, Манцикерт — прямым указанием на грозную опасность. Но Византия не оценила серьезности ситуации или же, скорее, не была в состоянии принять необходимые меры. И Мириокефал стал еще одним важным этапом перед событиями 1204, а затем — 1453 г.

Поэтапность завоеваний Сельджукидов прослеживается не только во времени, но и территориально: каждое следующее сражение происходило западнее предыдущего. Это — свидетельство целеустремленности султанов и недальновидности (или слабости) василевсов, а также результат общей обстановки в Азии и Европе, которая для Сельджукидов сложилась удачно — они сумели завладеть Средней Азией и Ираном, подчинить Закавказье и Малую Азию, Сирию и другие территории.

Автор отмечает (стр. 145), что тюркское завоевание не было безболезненным процессом. Он подсчитал (стр. 145—168), отдельно для западной, восточной, южной, северной и центральной частей Малой Азии, сколько раз в течение XI—XII вв. основные города, городские округа, области и деревни подвергались разорению, разрушению, осаде, а их жители — были взяты в плен, обращены в рабство, подвергнуты избиению. Указано также на перемещения населения (стр. 169 и сл.). Тем не менее значительная часть населения осталась на месте, и с большой долей вероятности можно говорить о том, что, несмотря на невзгоды, связанные с тюркским завоеванием, в XII в. в Малой Азии сохранялось немалое количество христиан, которые и в последующие столетия принимали участие в производственной, административной, торговой, финансовой, военной и политической жизни местных мусульманских государств. Вместе с тем росло иноверческое и тюркоязычное население как за счет перехода части местных жителей в ислам, так и вследствие расселения тюркских племен (стр. 184 и сл.). Процесс расселения тюрков С. Врионис рассматривает односторонне, отождествляя его с номадизацией Малой Азии: это неверно, потому что номадизация не носила тотального характера. Сохранились города, по-прежнему игравшие важную роль в экономической и политической жизни; осталось оседлое местное население, в том числе земледельческое и ремесленно-торговое. Лишь часть земель была отдана пришлым кочевникам-скотоводам, которые сами со временем осели. Вот почему речь может идти не о номадизации, а о тюркской колонизации Малой Азии.

Что же касается вывода, будто неизвестно, какие племена в XI—XII вв. завоевали и заселили Малую Азию (стр. 179), то можно указать на специальные исследования, в которых рассмотрены этническая и языковая проблемы региона в связи со средневековым тюркским этносом³. Завоевание и заселение Малой Азии в XI—XII вв. было осуществлено в первую очередь теми огузскими и примкнувшими к ним другими тюркскими племенами, которые объединились под властью султанов из рода Сельджука. По этому эпониму они получили известность как *сельджуки*. Ввиду того, что сельджукское движение носило не только завоевательный, но и миграционный характер, сюда пришли относительно значительные массы тюрков-номадов. Языковая тюркизация Малой Азии была длительным процессом, который, возможно, начался задолго до XI—XII вв., но усилился в период существования здесь государств Сельджукидов и Османского. Причем важно отметить производный момент: приток тюркоязычных масс в Малую Азию был многократным. Таким образом, первое массовое проникновение тюрков сюда можно отнести к XI—XII вв., а период тюркизации приурочить в основном к XI—XV вв.⁴

Далее в книге С. Вриониса говорится о последствиях завоеваний Сельджукидов для церковной администрации в бывших византийских владениях, об интеграции хри-

³ Д. Е. Еремеев. Этногенез тюрков. М., 1974; А. Refik. Anadolu'da türk aşiretleri (966—1200). İstanbul, 1930; А. R. Yalgın. Cenupta türkmen oymakları. İstanbul — Ankara, 1931—1933; Н. N. Orkun. Oğuzlara dair. Ankara, 1967; F. Sümer. Oğuzlar. Tarihleri, boy teşkilatı, destanları. Ankara, 1967; А. Sahin. Güney Anadolu'da beg-dilli türkmenleri ve baranlar. Ankara, 1962; А. Inan. Makaleler ve incelemeler. Ankara, 1968.

⁴ С. Cahen. Le problème ethnique en Anatolie. — «Cahier d'histoire mondiale», t. II, 1954, 2, p. 362.

стиан в мусульманское общество в течение XI—XIII вв. (стр. 194 и сл.). Византийская церковь, как отмечает С. Врионис (стр. 195, 198), была строго централизованной и находилась под контролем императоров. Она являлась одним из государственных политических институтов империи. Поэтому Сельджукиды постарались ослабить церковную организацию, т. е. ослабить византийское влияние в захваченной части Малой Азии. Вот почему были разрушены или превращены в мечети наиболее важные и крупные церкви, монастыри ограблены и монахи изгнаны, а значительная доля церковной собственности присвоена завоевателями. Хотя первоначально Малая Азия служила ареной борьбы между исламом и христианством, уже в XIII в. здесь, как в мусульманских, так и в христианских владениях, развивались сельское хозяйство и ремесло, а торговля достигла более высокого уровня, чем при империи (стр. 216, 222). Правда, автору следовало бы отметить, что его заключение об экономическом и культурном подъеме в XIII в. относится в первую очередь к Румскому султанату.

Некоторое внимание уделено тюркским кочевникам (стр. 258 и сл.). Вопрос о номадах, тесно связанный с проблемой расселения тюрков в средневековой Малой Азии, рассмотрен в специальных исследованиях⁵. В связи с этим надо указать на упоминаемых и С. Врионисом тюркских *уджей*⁶ (стр. 133 и сл.), история которых позволяет пролить дополнительный свет на процесс этнической и языковой трансформации этого региона в XI—XIV вв.

В части четвертой — «Упадок церкви в XIV в.» (стр. 288—350) — рассмотрены последствия тюркского завоевания и освоения Малой Азии в конфессиональном аспекте. Автор пришел к заключению, что власть христианского государства здесь была подорвана, а ортодоксальная церковь подавлена. Пятая часть — «Обращение в ислам» (стр. 351—402) — исследует с другой стороны конфессиональный вопрос в Малой Азии. Основное внимание уделено хорошо изученным мусульманским религиозным институтам, в первую очередь *дервишам* и *футуве*⁷. Может быть процесс замены христианства исламом в Малой Азии XI—XV вв. лучше было бы рассмотреть в иной плоскости: что получило местное население вместе с исламом, а чего лишилось, утратив христианство.

Заключительные части — шестая («Утрата византийской Малой Азии...» — стр. 403—443) и седьмая («Византийское наследие в тюркской Анатолии» — стр. 444—497) — позволили С. Врионису прийти к выводу, что Румский султанат и тюрки, вытеснившие империю из Малой Азии, в немалой степени испытали византийское влияние в экономике, управлении, дворцовом церемониале, фольклоре, языке, религии, этнографии.

Работа С. Вриониса подтверждает тот факт, что, хотя по теме «Византия и Восток» сделано, казалось, немало, остается еще много сюжетов, которые нуждаются в исследовании; что каждый раз иной подход позволяет выявлять новые грани; что на нынешнем этапе изученности темы требуется творческое содружество византинистов и востоковедов.

Р. А. Гусейнов

К вопросу об атрибуции суздальского змеевика (в связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик»)

Статья А. В. Рындиной «Суздальский змеевик»¹, посвящена интересному и сложному памятнику, привлекая внимание многих исследователей. Основные положения этой статьи могут быть сформулированы следующим образом: 1) суздальский змеевик был выполнен в начале 20-х годов XII в. для великого князя Мстислава древнерусским мастером, следовавшим византийской традиции; 2) по своему идейному

⁵ См., например: Д. Е. Ермеев. Юрюки (Турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969; *его же*. Этногенез турок; K. Güngör. Cenubi Anadolu yürüklerin etno-antropolojik tetkiki. Ankara, 1941; B. Flemming. Landschaftsgeschichte von Pamphilien, Pisidien und Lykien im Spätmittelalter. Wiesbaden, 1964; F. Sümer. Op. cit.; J. R. Roux et K. Özbayrî. Les traditions des nomades de la Turquie méridionale. Contribution à l'études des representations religieuses des sociétés turques d'après les enquêtes effectuées chez yoruk et les tahtaci. Istanbul, 1969.

⁶ Система уджей — военно-феодальный институт в государстве Сельджукидов, зарождение которого относится к последней четверти XI в. Уджи были родни византийским акритам, мусульманским гази, славянским порубежникам, воинам маркграфств и членам рыцарских орденов Западной Европы, малоазиатским (сельджукским же) акынды.

⁷ Дервиши — странствующие мусульманские «монахи», имевшие свои обители и организации; футува — восточные духовно-рыцарские объединения типа братств со своим уставом, существовали в среде городских ремесленников; см., например: С. Huart. Konia. La ville des dervishes tourneurs. Paris, 1897; F. M. Husluck. Christianity and islam under the sultans. Oxford, 1929; L. Massignon. Opera minima, t. 1—3. Paris, 1964.

¹ «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 217—234.